

Память на всю жизнь

Г. В. Репкина

кандидат психологических наук, г. Луганск

Статья представляет собой воспоминания ученицы и сотрудницы П. И. Зинченко о работе под его руководством. Его профессиональные и личные качества способствовали поиску и решению ряда новых проблем в психологии памяти и обучения, обеспечивая сплочение коллектива инициативных и преданных исследователей. С искренней симпатией к ученому описываются его яркие черты, позволяющие увидеть истинно гармоничную личность настоящего исследователя и руководителя. Подчеркивается огромное влияние ученого на становление профессиональных качеств его воспитанников, обусловленное сочетанием высочайшей научной требовательности с редким уважением, пониманием и заботой о каждом из них.

Ключевые слова: теория деятельности, фундаментальные проблемы, возможности произвольной памяти, учебная деятельность, оперативная память, качества исследователя, гармоничная личность, анализ и оценка исследования, высокая научная требовательность.

Годы учебы в Московском университете были пронизаны почти восторженным отношением к идеям наших корифеев. Их, получивших мировое признание в те годы было несколько: А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейн, П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, Д. Б. Эльконин. Разрабатываемые ими теоретические положения казались нам безупречными, а их перспективы неисчерпаемыми. Каждый из студентов выбирал своих кумиров и самоотверженно включался в ряды их верных последователей. Мы с Володей (В. В. Репкин) сочли наиболее безупречной теорию деятельности А. Н. Леонтьева и с энтузиазмом стали работать под его руководством.

Наша увлеченность этими идеями была искренней и почти бескомпромиссной. Все, что не соответствовало основным положениям теории деятельности, либо горячо критиковалось нами, либо не вызывало никакого интереса. Мало того, наш студенческий максимализм влиял и на отношение к тем исследованиям, которые при некоторой связи с этой теорией, не имели прямого отношения к ее новейшим направлениям. Мы читали эти работы, сдавали зачеты и экзамены, но тут же оставляли их без сожаления. Таких исследований было немало, и среди них, в частности, был весь цикл работ разных лет по памяти. Вот уж что казалось неинтересным и бесперспективным. Не вызывали интереса ни эксперименты, ни выводы. В их число попали и работы П. И. Зинченко. Правда, привлекло внимание его положение о том, что произвольное запоминание далеко от случайного, но ничего более ценного мы не видели (тогда еще не было

его монографии). Искренне казалось, что в этом направлении делать больше нечего, все уже исследовано и доказано.

Говорю об этом, чтобы было понятно, какой кислой была моя реакция, когда через пять лет после окончания университета при реализации наших планов поступления в аспирантуру наиболее подходящей, с практической точки зрения, для нас обоих оказалась аспирантура при Харьковском университете под руководством того самого Петра Ивановича Зинченко. У нас, избалованных серьезными теоретическими проблемами студенческих лет, перспектива исследований произвольной памяти вызывала уныние, поскольку, как я уже сказала, ее мы воспринимали как вполне завершенную. Сын Петра Ивановича, Володя (теперь это один из крупнейших российских психологов Владимир Петрович Зинченко), дал его телефон. С некоторыми колебаниями я позвонила.

Даже сейчас волнуясь, вспоминая это первое общение. Мне откликнулся голос красивейшего тембра и удивительной теплоты. Со мной заговорил человек, который будто бы давно меня любит, ждет и рад, что мы скоро встретимся. Конечно, я тут же забыла, что память — это скучно: не может такой человек заниматься скучным исследованием, в чем я и кинулась убеждать Володю. На наше счастье, уговорила его, хотя на тот момент планы были совершенно иными.

Интуиция не подвела: у *такого* человека не было скучного исследования, не было ничего завершенно-

го, было только неумное желание доказать, что в психологии человека нет ничего случайного, а есть глубочайшая зависимость от всех качеств личности и внешних обстоятельств, возникающих в процессе деятельности. Эта страстная вера вела его всю жизнь, обогащаясь, укрепляясь, переходя на все новые проблемы вокруг одной-единственной, которую он обожал и верил, что никто не может не восхищаться ею, хотя признавал и даже подчеркивал, что есть более значимые, яркие. Нас, начавших путь к ее тайнам, он не раз спрашивал, видим ли мы свои исследования во сне, и просиял от радости, когда, наконец, это случилось, — тогда мы перестали быть просто учениками, а стали единым братством, посвященным в великую тайну психологии Памяти человека.

Я ничего не домысливаю ради красного словца, просто сейчас с особой остротой понимаю всю глубину его преданности праматери основных фундаментальных исследований той школы, к которой он принадлежал с молодости, — теории деятельности. И самое удивительное: он остался верен этим позициям до конца своих дней, даже тогда, когда автор концепции, А. Н. Леонтьев, с головой ушел в новое направление исследований в области инженерной психологии. Петр Иванович тоже был вынужден включиться в такие исследования, но и тут, с присущей ему горячностью, ждал от нас подтверждения фундаментальных принципов теории деятельности. И, надо сказать, был просто счастлив, например, от того, что оперативная память, столь близкая к биологическим свойствам запечатления информации, обнаружила зависимость от содержания и внутренних особенностей мотивов, целей и способов деятельности.

К числу качеств личности Петра Ивановича, определяющих характер его научной работы, относятся глубочайшая научная честность. Все должно быть многократно проверено, уточнено, обосновано. Нередко в случае своих сомнений в достоверности наших выводов, несмотря на нашу убежденность, говорил: «Вроде всё так, и я готов согласиться, но желудком чувствую, не сходятся концы с концами. Давайте еще подумаем, проверим». Или: «Не хочется идти по пути известной позиции, что, если нет фактов, тем хуже для фактов».

Наверно, наиболее показательным в этом отношении следующее. Все то, что в разных наших работах — и прежде всего у Г. К. Середы — показывало огромные преимущества произвольной памяти, наталкивалось на его сдержанно скептическую реакцию: «Вы льете бальзам на мое сердце, но так не может быть, так как все-таки произвольная память — высшая форма памяти человека. Чего-то мы не видим, не умеем, не понимаем». Очень много ждал в этом смысле от исследований В.Я. Ляудис, защищая ее от наших нападок, вызванных горячей верой в абсолютную ценность его выводов о возможностях произвольного запоминания. Стоит ли удивляться, насколько дотошно работал он сам в те годы, когда у

него практически не было единомышленников. Его эксперименты безупречны по структуре и легко воспроизводимы в других условиях, что так важно для оценки выводов.

Для понимания творчества Петра Ивановича нужно учесть и те качества, которые, на первый взгляд, прямой связи с его исследованиями не имеют. Так, все его отношения с людьми были построены на глубочайшем уважении к каждому. Был всегда безгранично тактичен, даже если у него возникали принципиальные возражения по сути рассматриваемого исследования. Говорил спокойно, доброжелательно, оберегая самолюбие. При этом самые острые критические замечания легко смягчал своеобразным приемом. Когда кто-то из сотрудников или аспирантов докладывал спорную точку зрения на заседании исследовательской группы или даже при личной встрече, он никогда не начинал с анализа ошибок, недостатков, небрежности, а то и недобросовестности исследователя. Хотя, что греха таить, немало поводов не только для критики, но, порой, и для разгрома давала вся наша небольшая по числу, но весьма пестрая по личным особенностям группа. Он же начинал издали: так, как будто о работе речь еще впереди, а пока по случайным ассоциациям ему что-то вспомнилось: то бль, то анекдот, то поговорка. Многие из них были столь многоплановы по скрытому в них смыслу, что использовались им в самых разных ситуациях. Но, когда Петр Иванович доходил до «изюминки» своего вступления, автору уже была понятна его оценка данного этапа исследования.

Например, вот один из его рассказов из собственной учительской практики. Когда-то, работая в начальной школе, он никак не мог научить одного из своих учеников складывать буквы в слова. Мальчик все буквы знал, узнавал их сразу, а вот слово не получалось, — он совершенно не понимал, что написано. И вот однажды он, как обычно, быстро называл ряд: сы-о- бы- а-кы-а. Вдруг его глаза засияли, и он выкрикнул радостно: «Цуцения!» (по-украински — щенок). Впервые я услышала эту историю, когда принесла свою первую статью, которую писала с искренней увлеченностью и без малейшего сомнения, что любому это будет понятно и интересно. Но лишь только он с хитровой улыбкой рассказал эту историю, явственно увидела, что «цуцения» не получается из моих «букв». Было смешно, досадно, но не обидно, а главное, без особых объяснений стало ясно, что надо все переписать заново, чтобы мои мысли стали доступны.

Бывали шуточные комментарии и более обидны. Например, один из его анекдотов про оперного певца, пришедшего к портному с претензиями на то, что по его вине он на сцене «дал петуха». На это портной ответил, что прежде, чем петь, надо голос иметь. Если представить, что рассказывалось это с деталями в одесской манере, то мы легко улавливали наличие глубоких оснований для критики со стороны руководителя и, посмеиваясь, шли обрывать «голос».

С основной чертой его характера — беспредельным уважением к людям — мы столкнулись при первой же встрече, когда обсуждался вопрос о том, какие выбрать проблемы для исследования.

Его мечтой было найти возможность проверить обнаруженные им в лабораторных экспериментах закономерности произвольной памяти в условиях реального систематического школьного обучения. Поэтому, узнав о педагогическом опыте Володи, Петр Иванович предложил ему эту тему. Однако Володя справедливо предположил, что для этого надо радикально перестроить программы и принципы обучения, чтобы обучение могло быть ориентировано на произвольное запоминание. Специального исследования требует и решение вопроса о способах диагностирования работающей в новых условиях памяти. Одному исследователю с этим не справиться. Сам Володя брался за организацию обучения, а для решения вопросов, связанных с проблемами памяти, предложил взять кого-то другого. К такому повороту событий Петр Иванович не был готов. Его очень смущало, что он не сможет руководить проблемами перестройки обучения, поскольку считал, что не располагает соответствующими знаниями и опытом. Отказываться от заманчивой идеи тоже не хотелось, и после долгих сомнений он выбрал неприемлемый для многих руководителей путь: искать возможность консультаций, а точнее — систематическую помощь у других ученых, и сам первым установил контакт с московскими психологами. Так возник союз с Д. Б. Элькониным и В. В. Давыдовым. В итоге В. В. Репкину была отдана близкая ему проблема, а к исследованию произвольной памяти был привлечен бывший учитель Г. К. Серета, уже поступивший к этому времени в аспирантуру.

Казалось бы, все так и должно быть, но каждый исследователь знает, что чаще руководители ориентируются лишь на свои интересы и подчиняют им своих сотрудников и тем более учеников, не особенно вникая в их интересы и способности. Стоит ли подчеркивать, что без такого уважения к другим не могли бы осуществиться под руководством Петра Ивановича великолепные исследования учебной деятельности и реализоваться бы его гипотезы о неисчерпаемых резервах произвольного запоминания в систематическом обучении.

И это только один из примеров (быть может, самый яркий). Но любой из его учеников и сотрудников мог бы вспомнить аналогичные факты, подтверждающие, что именно неисчерпаемое уважение Петра Ивановича к ним было едва ли не решающим фактором в обеспечении их личных достижений в исследовании и преодолении не раз встававших на их пути проблем.

Однако напрасно пытаться провести параллели между отдельными свойствами личности Петра Ивановича и особенностями той деятельности, которая создала его научную школу. В нем было все гармонично слито, сплавлено в потрясающе мощную и гармоничную силу подлинной личности. Это был

удивительный человек — добрый, увлеченный, щедро дарящий все, чем был богат, и жадно впитывающий то, чем располагали его ученики и сотрудники. Он умел видеть, понимать и ценить всех, сопереживая их достижениям, промахам и недостаткам, находя оправдание ошибкам, неудачам и даже неприятным проявлениям характеров.

Вспомнилось, как он организовал подготовку всесоюзной конференции по проблемам памяти. Не только тщательно продумывалось, кого и как пригласить, но и то, как подчеркнуть безусловную ценность каждого приглашенного, как нейтрализовать чьи-то давние обиды и огорчения. Мы услышали много хорошего о людях, уже оставивших психологию, но когда-то ей искренне преданных, независимо от вклада в науку. Это была удивительная школа человечности, дополнившая все, что мы видели в повседневном общении. Стоит ли удивляться тому, что все мы обожали Петра Ивановича, с увлечением работали с ним, радостно шли к нему со всеми проблемами, даже если понимали, что разговор будет нелегким.

Трудно переоценить все, что давала нам работа под его руководством.

При всей его тактичности он был неумолим, когда речь шла о строгости изложения гипотез, логичности построения эксперимента и тем более — о подведении итогов и обсуждении результатов. В расчет не принимались ни сжатые сроки представления материалов для отчета или публикации, ни естественные причины вроде болезни, усталости, семейных обстоятельств. Никакой резкой критики, никаких «разгромных» выводов — ничего подобного не было и в помине. Только после прочтения он мог сказать, что это очень интересно, однако есть ощущение недоказательности или пробелов в логике. И все. Однако за словами чувствовалось, что этот материал без переработки принят не будет. И мы садились переделывать схему или способы проведения эксперимента, переписывали тексты по несколько раз, снова и снова перечитывали, и лишь потом несли к нему. Не было большей награды, чем его хитроватый блеск в глазах и краткое заключение с улыбкой: «Это же совсем другое дело». И росла наша требовательность к себе, абсолютное неприятие даже намека на небрежность, поспешность, логическую незавершенность работы на любом ее этапе.

Его забота о сотрудниках была безгранична. Петр Иванович не только знал все наши бытовые проблемы, помогал их решать, если требовалось обращение к администрации, и всячески поддерживал при финансовых затруднениях. Как-то, почувствовав, что в нашей семье обострились проблемы, сам предложил взять у него в долг деньги на неопределенное время, при этом старался успокоить нас, уверяя, что нет никакой причины стесняться, что он сам долгое время был вынужден обращаться к друзьям за помощью.

Желая помочь всем, он пошел, преодолевая огромные сомнения, на заключение хоздоговорной темы по решению задач в области инженерной психо-

логии, проблематика которой ему была незнакома. Понимая, что это дает кафедре дополнительные финансовые и кадровые возможности, он горевал, что никак не может «объять необъятное» и вникнуть во все теоретические нюансы. Это вовсе не означает, что исполнение работ было пущено на самотек или отдано сотрудникам на откуп. Самым дотошным образом он выслушивал наши обзоры работ других авторов; по несколько раз возвращался к ним, требуя четко проанализировать и сопоставить их позиции; внимательно разбирался в экспериментальных подходах. Огорчался, что не удастся увидеть во всем этом фундаментальных проблем, а лишь конкретные, чисто практические задачи. При этом настаивал, чтобы мы в своих темах искали глубокие основы, находя пути к фундаментальным проблемам психологии. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, вспоминаю, как светилось его лицо, когда он убеждался, что такие основы существуют, и более того, что они близки к наиболее перспективным теоретическим проблемам и памяти, и обучения.

Может быть, кому-то покажется, что в моем описании портрет Петра Ивановича Зинченко вышел каким-то беспроблемным, даже безупречным. Уверю, мои слова очень искренни. Я не могу вспомнить ни одного его недостатка, хотя, наверно, они были. Не думаю, что это только следствие особенностей памяти — сохранять лучшее. И тогда, а еще больше сейчас от души говорю: нам выпало счастье знать этого ученого, этого великолепного человека, слышать его, видеть и любить всей душой. Одним из итогов работы с ним стало глубокое убеждение: нет в науке вообще, а в психологии, в частности, завершенных теорий. В любой из них остается масса непознанного, и при страстном желании увидеть и понять это открываются все новые горизонты. И память, та самая память, которая казалась изученной, объясненной, а потому скучной, — хранит клад загадок. Не удивительно, что так же, как память стала для Петра Ивановича память стала любовью на всю его жизнь, она и нас, покоровив, не оставляет. И ждет новых исследователей.

Memory for a Lifetime

G. V. Repkina

Ph.D. in Psychology, Lugansk

The article presents recollections of a P. I. Zinchenko student and colleague about working under his guidance. His professional and personal characteristics encouraged the searching for and solving a number of new problems in the field of psychology of memory and learning, as well as cohesion of the initiative and dedicated researchers. With sincere sympathy to the scientist his striking features are described, showing a truly harmonious personality of the researcher and leader. His great influence on the formation of the professional qualities of his students is emphasized. It was a unique combination of insistence on highest scientific standards with a rare respect, understanding and caring about each one of his students.

Keywords: Activity Theory, Fundamental Problems, Abilities of Involuntary Memory, Learning Activity, Short-term Memory, Characteristics of a Researcher, Harmonious Personality, Analysis and Evaluation of Research, Insistence on Highest Scientific Standards